

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

«ВРАЖДОТВОРНОЕ» МЕСТНИЧЕСТВО

В. И. Буганов

24 ноября 1681 г., за пять с лишним месяцев до своей кончины, царь Федор Алексеевич, один из многочисленных детей Алексея Михайловича и братьев будущего императора Петра I, приказал комиссии из выборных людей и военных заняться рассмотрением «ратных дел». Ее возглавил князь В. В. Голицын. Цель работы комиссии состояла в том, чтобы добиться «лучшего... государевых ратей устройства и управления». Инициатива реформаторского начинания, предпринятого в правление Федора, принадлежала не этому слабовольному и болезненному монарху, а тем деятелям из правящих кругов, которые, учитывая требования времени, выдвигали и проводили в жизнь во второй половине XVII в. новые идеи и мероприятия, предвосхитившие более широкие преобразования конца XVII и первой четверти XVIII века. О комиссии В. В. Голицына «с товарищи» и ее задачах говорится в постановлении земского собора от 12 января 1682 г. об уничтожении местничества¹. Оно справедливо отметило, что в ходе войн России с другими государствами, «в мимолетших воинских branex (имеются в виду войны с Польшей из-за Украины и с Швецией в 1650-е и 1660-е годы.— В. Б.)... государевы неприятели показали новые в ратных делах вымыслы». «Чтобы прежде бывшее воинское устройство, которое показалось на боях неприбыльно, применить на лучшее», необходимо было, по мысли составителей соборного «деяния», «лучшее устройство» военного дела. Провозглашалась, таким образом, программа военной реформы, предпринятой в начале 1680-х годов. Одним из ее звеньев и стала отмена местничества.

Участники земского собора («выборные люди») обратились к царю с челобитьем, в котором поставили вопрос об отмене местничества: «И для совершенной в его государских ратных и в посольских и во всяких делех прибыли и лучшего устройства указал бы великий государь всем боярам и окольными, и думным и ближним людям, и всем чинам быти на Москве в приказах и в полках у ратных и у посольских и у всяких дел и в городех меж себя без мест, где кому великий государь укажет; и никому ни с кем впредь розрядом и места не считаться; и розрядные случаи и места отставить и искоренить, чтобы впредь от тех случаев... во всяких делех помешки не было...»². 12 января 1682 г. в царские палаты по велению Федора Алексеевича явились патриарх Иоаким и архиереи, бояре и другие думные чины. Сначала они выслушали челобитные «выборных». Затем сам царь говорил о славных победах бояр и воевод из «честных родов» над неприятелями. Одержаны они были, по его словам, «при давних убо предках наших». Однако сердца ратоборцев возлюбили «местные случаи», от которых в делах «чинилася великая пагуба и ратным людям от неприятелей великое умаление». Поскольку «сие местничество делу благословенной любви вредительно, мира и братского соединения искоренительно, противу неприятелей общего и пристойного промышленности, усердия разрушительно..., желаем, да (бог.— В. Б.) своим всеильным повелением оные разрушающие любовь местничества разрушити изволит»³. Пожелания монарха поддержали патриарх Иоаким и все священные чины, к которым он обратился с вопросом: «По нынешнему ли выбор-

¹ «Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел». Ч. IV. М. 1828, стр. 396.

² Там же, стр. 397—398.

³ Там же, стр. 399—400.

ных людей челобитью всем разрядам и чинам быти без мест или по-прежнему быти с месты?». Согласием ответили и думные люди.

По указанию царя принесли в царские палаты разрядные книги, составленные при первых Романовых и их предшественниках и содержавшие «бывшие случаи с месты», то есть описания местнических споров. В торжественном заседании Боярской думы Федор Алексеевич провозгласил государственный акт об отмене местничества, а разрядные книги указал предать огню, чтобы местничество «было в вечном забвении». Все присутствующие единодушно заявили: «Да погибнет во огни оное, богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество, и впредь да не воспоминается вовеки»⁴. В печах около царской «передней палаты» запылал огонь, в котором сгорели разрядные книги.

Соборное «деяние» было подписано всеми участниками «высокого» собрания. Подчеркивая огромную важность обнародованного акта, первым подписался (что было делом дотоле неслыханным) сам царь: «Божиею милостию царь и великий князь Федор Алексеевич вся Великия и Малыя и Белья России самодержец во утверждение сего соборного деяния и в совершенное гордости и проклятых мест в вечное искоренение моею рукою подписал». За ним последовали подписи патриарха, митрополитов, архиепископов, бояр и других лиц⁵. Акт 12 января 1682 г. обозначил собой один из рубежей в истории государственного управления России и в положении господствующего класса феодалов. Он подвел черту под целой полосой в жизни страны, связанной с существованием сложной системы отношений, корни которой уходили в далекое прошлое.

Местничество — система феодальной иерархии, существовавшая в Русском государстве в XV—XVII веках. Служебно-родовое местничество, по определению исследователя, — «это институт, регулировавший служебные отношения между членами служилых фамилий на военной и административной службе и при дворе»; его название идет от обычая считаться «местами» за столом во время различных служб⁶. С. О. Шмидт справедливо отмечает односторонность оценок, согласно которым местничество играло только реакционную роль и препятствовало государственной централизации в России XVI—XVII веков. «Вряд ли случаен тот факт, что местничество сопутствовало процессу превращения Российского централизованного государства в абсолютистское. Не было ли местничество само отражением этого процесса?»⁷. В продолжение этой мысли можно сказать, что формирование местничества отражало важные процессы, происходившие в русском обществе еще до образования единого Русского государства.

Во времена Киевской Руси понятие о старшинстве было присуще не только семейным отношениям (отец почтеннее и «выше» за столом своего сына, дед — отца, старший брат — младшего, тесть — зятя и т. д.), но и, что гораздо важнее, явлениям более широкого общественного характера. Например, на пиру или на сходке-вече первые места занимали старцы (старцы градские) как люди наиболее опытные, облеченные доверием и почетом, наконец, богатые и знатные. Правда, отношения старшинства не сложились еще в стройную систему (градация почета в зависимости от старшинства касалась сравнительно узкого круга лиц, отличаясь неопределенностью по отношению к большинству других). По исстари соблюдавшемуся обычаю считалось, что места наверху или впереди, а также правая сторона почетнее мест внизу или сзади и левой стороны⁸. Так было во время пира за столом и во время какой-либо церемонии при княжеском дворе. Князья правящей на Руси династии тоже различались между собой по старшинству: старейшим считался великий князь Киевский; ему уступали по чести, старшинству другие князья, подчинявшиеся своему сюзерену и сидевшие на других «столах» — в Чернигове и Переяславле Русском, Новгороде Великом и Суздале и т. д. Точно так же боярин-огни-

⁴ Там же, стр. 404.

⁵ Там же, стр. 406—410.

⁶ С. О. Шмидт. Местничество и абсолютизм (постановка вопроса). «Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.)». М. 1964, стр. 172—173.

⁷ Там же, стр. 171—172.

⁸ А. И. Марквич. История местничества в Московском государстве в XV—XVII веке. Одесса. 1888, стр. 20—22 и др.

щанин, согласно «Русской Правде» стоял выше отроков, «детских», не говоря о смердах и холопах, и шкала наказаний за убийство, разработанная в этом кодексе, дает достаточно ясное представление о существенной социальной разнице в их положении. Местничество с самого начала имело социальную, классовую основу.

Великокняжеский престол в то время переходил от отца к сыновьям по их старшинству, начиная от старшего, потом к детям старшего, второго и т. д. сына, тоже по их старшинству. Существовала градация «столов», городов, одни из которых считались старшими, более важными, другие — младшими, подчиненными первым. Сообразно этому на те или иные «столы» попадали князья в соответствии со старшинством, местом каждого среди родственников правящего дома Рюриковичей⁹. Период феодальной раздробленности привел к появлению многих новых великокняжеских династий, внутри которых отношения определялись принципами родового старшинства, счетом поколений (князья великие и удельные). Процесс объединения русских земель вызвал «собрание» при дворе московских правителей многочисленных князей, великих и удельных, их бояр. В Москве же обосновывались представители иноземных владетельных и знатных родов. Всем им выделялись земельные владения и доходы на прокормление, а они нередко теснили старомосковских бояр, что не могло не осложнять взаимоотношений в правящей верхушке.

К концу XIV—началу XV в. относятся первые упоминания о местничестве, которое позднее сложилось в систему служебно-родовых отношений, и о местнических спорах, доставлявших столько хлопот властям. Дружинные традиции Киевской Руси и межкняжеские отношения более позднего времени, воздействие церкви с ее иерархией, влияние византийских, восточных и польско-литовских придворных обычаев—все это сказалось на формировании местничества, по словам Петра I, «зело жестокого и вредительного обычая, который как закон почитали»¹⁰. Уже в XV в. при московском великокняжеском дворе проявлялся интерес к тому, в каком порядке располагались в старину бояре, служившие московским правителям. Материал для этого давали некоторые акты, например, духовные грамоты великих князей, заверенные приближенными к ним боярами, которые перечислялись по старшинству. Такковы списки бояр-душеприказчиков в завещаниях Дмитрия Ивановича Донского (1389 г.) и его сына Василия I (1406—1407 гг., 1417 г. и 1423 г.)¹¹. Тогда же между московскими боярами возникают споры из-за «мест» при московском великом князе. Для их рассмотрения «старые бояре» приносили «памяти» — перечни своих братьев, служивших в конце XIV—XV веке. Составляли они их действительно по памяти. Необходимые письменные документы подобного рода до этого, очевидно, не велись.

В 60-е годы XV в. заместничались В. Ф. Сабуров и Г. В. Заболоцкий. Последний во время пира у великого князя не дал место первому. Сабуров бил челом на Заболоцкого. Обосновывая свои претензии, обе стороны ссылались не на письменные документы о службах своих родичей, а на «память» «старых бояр». Заболоцкий обращается к Ивану III: «Обычи, государь князь великий, сам своими бояры того, как будут сидели отцы наши». В роли «старых бояр» выступали Г. И. Бутурлин (в монашестве Геннадий), М. Б. Плещеев и П. К. Добрынский. Первые двое в составленной ими «памяти» перечислили московских бояр (Константин Дмитриевич Сабуров Шея и др.), которых «заехал» (то есть сел местом выше них) прибывший к московскому великому князю Василию I на службу князь Юрий Патрикеевич. Последний был прямым потомком великого князя Литовского Гедимина и предком боярина кн. В. В. Голицына, сыгравшего столь активную роль в уничтожении той самой системы, у колыбели которой стояли среди прочих основатель московских фамилий Патрикеевых и Щенятевых, а также его сородичи Голицыны, Куракины, Булгаковы и Хованские. Четверо судей и дьяк, разбиравшие дело, удовлетворили просьбу Сабурова и выдали ему правую грамоту на Заболоцкого. В «памяти» П. К. Добрынского были перечислены жены московских бояр в том порядке, в каком они

⁹ Там же, стр. 57, 72 и др.

¹⁰ Там же, стр. 96—104; С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 171, 175.

¹¹ «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.». М.-Л. 1950, стр. 36—37, 57, 59, 62; В. И. Буганов. Разрядные книги последней четверти XV — начала XVII в. М. 1962, стр. 104—105.

сидели на свадьбе Василия II Темного в 1433 году. Первой в списке стоит жена все того же Юрия Патрикеевича княгиня Анна Васильевна, родная сестра жениха и дочь Василия I. Женитьба на ней и способствовала возвышению князя Юрия, бывшего к тому же «литовским выходцем», и оттеснению им знатных московских бояр на той местнической лестнице, возведение которой тогда началось¹².

С конца XIV в. (с Куликовской битвы 1380 г.), затем во время походов XV в. появляются первые списки воевод по полкам — разряды, производимые в устной, потом в письменной форме. Сначала они фиксировались летописями, а с конца XV в. началось ведение собственно разрядов. Документы свидетельствуют, что эти назначения на службу дают основание для споров среди бояр и воевод из-за мест. Правда, имеются данные о местнических распрях еще в первой половине XIV века. Так, при Иване Калите приехал из Киева на службу в Москву боярин Родион Нестерович с сыном и двором. По распоряжению нового сюзерена его поставили выше всех московских бояр. Один из них, Акинф Гаврилович, не желая быть «меньше», отъехал из Москвы в Тверь. По его наущению тверской князь начал борьбу с Калитой. В ходе военных действий Родион Нестерович с московским войском разбил тверичей под Переяславлем и сам убил боярина Акинфа. Голову убитого он привез на копье к великому князю: «Се, господине, твоего изменника и моего местника глава»¹³.

Сведения о местнических спорах XIV—XV вв. встречаются в летописях, родословных и разрядных книгах, в позднейших местнических делах. В некоторых случаях их подлинность сомнительна. Несмотря на это, факт постепенного складывания местничества, его норм и обычаев в течение XIV и особенно XV столетий не подлежит сомнению. Но в систему местничество превращается в эпоху образования единого Русского государства. Это явление имело двойственную политическую природу, представляя собой своего рода компромисс между центральной властью и феодальной аристократией. Первой местничество служило средством для организации порядка в делах управления и при служебных назначениях. Вторая использовала его для защиты своих привилегий. В начальные годы местничество было выгодно прежде всего великому князю всей Руси, выступавшему за политическую централизацию. Будучи «представительницей порядка в беспорядке»¹⁴, великокняжеская власть использовала местничество, это последствие феодальной раздробленности, как «инструмент общественной дисциплины» в целях укрепления молодого государства и ослабления тех крупных феодалов, которые так ревниво и строго следили за соблюдением местнических обычаев¹⁵.

При Иване III, Василии III и Иване IV заметно увеличилось количество придворных чинов, усложнилась организация военной службы. Оформляется трех- и пятиполковая система войскового устройства. Неизмеримо возрастают число и периодичность назначений воевод в полки во время походов и в города. Все это находит отражение в письменном делопроизводстве. В первую очередь это разряды-записи служебных назначений (в источниках они называются также нарядами, нарядами служебными). Затем они сводились в служебные, или разрядные, книги, которые являлись важнейшим источником—справочником для тех, кто стремился оправдать свои местнические претензии или отбивался от наскоков ретивых «местников». С этими же целями использовались родословные книги, летописи, различные акты, наконец, записи предшествующих местнических споров. Действия центральной власти были направлены на разобщение феодальной знати, противопоставление одних ее представителей другим и подчинение всех их власти великого князя, а позднее царя.

Сложившаяся к XVI в. система местнических отношений носила сложный характер. Было бы ошибкой думать, что она основывалась только на принципе знатности происхождения, породы, то есть на родовом начале. Другим, не менее важным фактором, который имел большое значение для определения «места» феодала в служебной иерархии, его взаимоотношений с себе подобными, являлась служба его самого и его предков. Сочетание этих двух факторов, родового и служебного, и со-

¹² «Разрядная книга 1475—1598 гг.», М. 1966, стр. 17; В. И. Буганов. Указ. соч., стр. 107—109; А. И. Маркевич. Указ. соч., стр. 241—242.

¹³ А. И. Маркевич. Указ. соч., стр. 235—236.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 411.

¹⁵ С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 179—180.

ставляло суть системы местничества, той, по выражению В. О. Ключевского, «местнической арифметики», которая стала столь характерной чертой истории высшего служилого слоя феодалов на протяжении более чем двух столетий русской истории. Именно на этом были основаны представления многих поколений русских феодалов о служебно-родовой «чести», защита которой сопровождалась крайним упрямством и сановным чванством, переплетением трагического и комического; ее носители и защитники готовы были ради нее на все, вплоть до царской опалы и казни. Великий русский поэт, носивший фамилию, прославившуюся в древности не только на военном и гражданском поприщах, но и в местнических сварах, с полным основанием заметил: «Сия честь, состоящая в готовности жертвовать всем для поддержания какого-нибудь условного правила, во всем блеске своего безумия видна в нашем древнем местничестве»¹⁶.

Согласно «местнической арифметике», в служебной иерархии неизмеримо выше всех стоял великий князь, царь. Представители класса феодалов делились на несколько чинов. Это, во-первых, люди «думного чина» — бояре, окольничие, думные дворяне, думные дьяки. Далее идут чины московские (стольники, стряпчие, дворяне московские, дьяки, жильцы), чины городовые (уездные дворяне и дети боярские). «Раазрядной» считалась служба первых двух чинов. Из их числа правительство назначало полковых и городских воевод. Эти высокие должности занимали представители «думного чина», а также «московских чинов». Постепенно служба последних стала считаться «честной» и на менее заметных должностях, и ее принимают во внимание при местнических спорах. Сюда относится служба голов в полках и в приставах у иноземных послов; объезжих голов, наблюдавших за порядком в столице; рынд при царской особе и т. д. Наиболее многочисленный слой феодалов (дворяне и дети боярские) состоял из нескольких групп. Из них выше всех стояли дворяне московские. Провинциальные дворяне делились на лучших, средних и худых. Лучшие служили «по выбору» или «по дворовому» списку, их привлекали для более или менее важных служб наряду с московскими дворянами.

«Честь» служилых людей по отечеству, то есть бояр и дворян, распространялась и на их жен, дочерей, «честь» которых соответствовала «чести» мужа и отца. Здесь, как и в отношениях между родственниками-мужчинами, могли быть коллизии, сложные и неприятные ситуации. Например, с местнической точки зрения избрание в 1613 г. в цари Михаила Федоровича Романова «мимо» его отца могло казаться не совсем удобным, несмотря на постриг старшего. Правда, по возвращении Филарета из польского плена он, будучи патриархом, являлся одновременно как бы вторым государем и правил вместе с сыном. Но в глазах современников царем все-таки был его сын Михаил. Столь же деликатная ситуация возникала в том случае, когда некоторые женщины, приближенные к царице, становились боярынями, в то время как их мужья боярского сана не заслуживали до конца дней своих. Не менее сложными были взаимоотношения лиц светских и духовных в местнической иерархии. Истари на Руси особый почет оказывался иерархам. Позднее царь не считал для себя зазорным вести лошадь, на которой восседал митрополит или патриарх, во время церемонии, изображавшей въезд Христа в Иерусалим. Однако политическая реальность состояла в том, что служба царю считалась, несомненно, «честнее» службы патриарху. Более того, зависимое положение патриарха по отношению к царю, связанное с представлением о подчинении церковной власти государю, признавалось современниками.

Естественно, особы царя и патриарха стояли вне всяких местнических расчетов и поползновений. Это исключительное их положение признавалось всеми и подчеркивалось в государственных актах, например, в Соборном уложении 1649 года. Но среди духовных иерархов имела своя градация чинов: митрополиты, архиепископы, епископы и т. д. Столь же неодинаковое место занимали монастыри. К примеру, Троице-Сергиев монастырь и ему подобные считались гораздо более важными, нежели такие провинциальные монастыри, как Николо-Корельский, Николо-Песношский и другие. Между иерархами были нередки стычки из-за мест на богослужениях, во время торжественных церемоний, обедов. Однако все это не имело собствен-

¹⁶ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. Т. 11. М. 1949, стр. 54.

но местнического значения. Светские феодалы никогда не местничались с феодалами духовными. Некоторые дворяне служили церковным иерархам, но служба эта считалась не очень «честной», а то и унижительной. Так, у патриарха имелись свои бояре, стольники, дьяки. Но их чины по «чести» ценились ниже аналогичных «царских» чинов. Патриарший боярин, например, был равен не царскому боярину, а лишь думному дворянину. Многие представители известного рода Плещеевых служили у митрополитов и епископов; их же собратья-дворяне относились к ним с пренебрежением.

Представители феодальной верхушки в современных им документах именуется с суффиксом «вич», то есть в них, помимо фамилии, указывались полное имя и отчество. Такой чести удостаивались даже не все думные люди. Например, думных дьяков именовали полно только в тех случаях, когда они стояли во главе приказов или исполняли важные поручения по внешнеполитическому ведомству. Написание без «вича», равно как и ошибка в имени, отчестве и фамилии, расценивались как оскорбление, поруха родовой чести. Знатные лица ревниво следили за тем, чтобы люди неродословные не употребляли отчества в такой форме. Известно, например, недовольство московских бояр по поводу того, что украинские гетманы начиная с Богдана Хмельницкого в своих грамотах к русским царям писали себя с «вичем».

Лица менее родовитые назывались без «вича». Их отчество писалось по другой форме: Федор Иванов сын (вместо более почетного: Федор Иванович) и т. д. Еще менее почетно было употребление лишь одного имени, тем более в уменьшительной форме, или прозвища. Но последние применялись только к людям податным. По отношению к феодалам употреблялись три первые формы. Из числа представителей высшего круга некоторые лица занимали особо важное положение. Среди московских бояр к ним принадлежали феодалы, облеченные званиями конюшего и слуги. В XVI в. звания слуги были удостоены лишь несколько человек (бояре кн. И. Д. Вельский, кн. М. И. Воротынский при Иване Грозном и боярин Б. Ф. Годунов при царе Федоре Ивановиче). Высокое положение занимали представители «выезжих» иноземных «царских» родов (татарские ханы и их сыновья, грузинские царевичи).

Главными основаниями для определения местнической «чести» того или иного рода и отдельных его представителей были экономическое положение, земельное богатство, служебные заслуги предков, ближайших родственников и их самих. Бывало и так, что одного высокого положения предков в глазах правительства считалось недостаточно. Известно, что к XVI—XVII вв. многие прежде знатные фамилии обеднели: «захудали», «закоснели». Так, из князей Вяземских некоторые к началу XVII в. служили священниками. Другие столь же «закосневшие» фамилии и вовсе теряли с годами княжеское звание. Такие княжеские фамилии, как Андомские, Шелешпанские и другие, уже в XVI в. не пользовались почти никаким вниманием. В течение этих столетий все большее значение приобретал принцип верной службы государю. При разборе местнических споров судьи да и сам царь интересовались в первую очередь служебной карьерой или «разрядной службой» спорящих и их родственников, отодвигая на второй план родословные расчеты. В одном местническом деле 1609 г. встречается характерное замечание: «То есть, что от большова брата колена пойдет, а в разрядах малы и худы будут; а от меньшова брата пойдет, а в розряде велики живут; и те, государь, худые с добрыми по родословцу лесвицею не тяжуются, а тяжуются по случаю розряды»¹⁷. В 1629 г. один из князей Приимковых-Ростовских говорил о своих местнических противниках Пожарских (из стародубских князей, тоже Рюриковичей, но захудавших): «Родители наши (Приимковы.— В. Б.) люди разрядные, а князья Пожарские, oprич городничих и губных старост, нигде не бывали». Эти служебные назначения считались низкими, поскольку «прежних государей и ваше государево уложение, что городничим и губным старостам с разрядными людьми и до последних воевод дела нет»¹⁸. Исключительные заслуги Д. М. Пожарского в начале XVII в. выдвинули его род в число знатных, хотя по своему «отечеству» он не мог бы на это рассчитывать. То же можно сказать о его со-

¹⁷ «Русский исторический сборник, издаваемый Обществом истории древностей российских» (РИС). Т. II. М. 1838, стр. 269.

¹⁸ С. О. Шмидт. Указ. соч., стр. 183.

ратнике Кузьме Минине — нижегородском «говядаре» (торговце мясом), которого 1613 г. пожаловали в думные дворяне.

Лица, достигавшие высокого положения при дворе благодаря родству с царским семейством или фавору, нередко были малопородными (Стрешневы при царь Михаиле Федоровиче, Милославские и Нарышкины при его сыне и внуках и др.). В смысле местнической «чести» они стояли невысоко, и сами цари старались не «сталкивать» их во время служб с людьми «высокой» породы. Б. Ф. Годунов при царе Федоре Ивановиче занимал положение исключительное. Тем не менее в разрядных службах его имя писали ниже более знатных бояр. Так случилось в 1591 г., когда у стен Москвы стояло войско крымского хана Казы-Гирея. Главнокомандующим русского войска был не «царский приятель» и шурина, конюший и слуга, фактический правитель государства, а боярин князь Ф. И. Мстиславский. Последний после отступления крымцев в сообщении об этом царю написал в списке воевод одно свое имя не упомянув Годунова, и тем вызвал крайнее недовольство Федора Ивановича.

«Непородные» фавориты при московских правителях нередко получали высокие чины и жалованье. Но если у них происходили местнические стычки, то преимущественно с людьми равных им по знатности родов. Они служили в полках и городах «ниже» более знатных лиц. Царь мог пожаловать в боярский или иной чин представителя не очень знатного рода (такова судьба А. С. Матвеева), и вместе с тем отпрыск какого-нибудь знатного боярина мог окончить свои дни стольником. Многие зависело от служебных заслуг «соискателя» и от воли монарха. Так, представители некоторых фамилий могли, будучи только стольниками, сразу стать боярами. Другие из стольников переходили в разряд окольных, а потом — в бояре. Третьи — в думные дворяне, затем — в окольных, бояре. Эта градация родов по степени «честности» в пределах одного (боярского, окольного и т. д.) чина, учитывавшая служебные заслуги их представителей в прошлом и особенно в настоящем и родословные расчеты по поколениям, имела непосредственное отношение к определению размеров их жалованья, поместного и денежного. Знатные, «честные» бояре получали больше в сравнении с другими боярами. Неодинаковыми были и царские подарки по всяким случаям, и в связи с этим нередко возникали жаркие споры. Так, царь В. И. Шуйский за оборону Брянска награждал шубами двух воевод — М. Ф. Кашина и А. Н. Ржевского. Последний подал жалобу: ему-де дали шубу хуже, чем Кашину, хотя князь был воеводой лишь по имени, а все делал он, Ржевский. Челобитчик доказывал, что его заслуги велики, а роль Кашина в событиях малозаметна. Однако ему ответили отказом на законном, по местническим понятиям, основании: ведь Кашин — боярин, знатнее его, Ржевского, и все доводы последнего в расчет не были приняты¹⁹.

Итак, местническая «честь» зависела во многом от служебных заслуг. Но важным моментом в ее определении была родовитость, знатность. Недаром в ту пору имели хождение поговорки: «Хоть не стоит лыка, да ставь за велика», «Бел лицом, да худ отцом». Имея в виду ту же родовую «честь», московские книжники утверждали, что «человек не славна родителя, а высокоумен, аки птица без крыл: убивается о землю, а возлетети не может». По ядовитому замечанию Ивана Грозного, князя Семена Ростовского (хотевшего бежать в Литву и тем вызвавшего гнев царя) пожаловали в бояре «по отечеству», хотя он и «не дороден» (не отмечен дарованьем), разумом прост и в службу не годится²⁰.

Споры между служилыми людьми «по отечеству» из-за «мест» часто возникали во время назначений на должности, на совместную службу. Обычно воевод в полки, в города назначали («разряжали») в Разрядном приказе по указанию царя и Боярской думы, которые давали общее, так сказать, повеление по этому вопросу. Его детализация относилась к компетенции разрядных дьяков, которые и составляли разряд — роспись воевод. В походном войске числилось три или пять полков. В первом случае полки перечислялись в таком порядке: большой (основная часть войска), передовой (авангард), сторожевой (арьергард); во втором: большой, правая рука (правый фланг), передовой, сторожевой, левая рука (левый фланг). Эта последователь-

¹⁹ А. И. Марквич. Указ. соч., стр. 198.

²⁰ Там же, стр. 193, 204—205.

ность имела большое значение для местничества: служба в большом полку считалась «честнее», чем в других полках; в полку правой руки — «честнее», чем в передовом. В каждый полк посылали одного или нескольких воевод. Естественно, первый воевода был «выше» второго воеводы своего полка. Еще более сложный характер носили расчеты соотношения мест между воеводами разных полков.

Первый воевода большого полка был «больше» первого же воеводы полка правой руки на одно «место»; передового и сторожевого полков (они считались равными по «честности» службы в них) — на два места; полка левой руки — на три. Тот же первый воевода большого полка «выше» второго воеводы этого же полка на четыре места, а вторых воевод остальных полков соответственно на пять — семь мест. Другой пример: второй воевода полка правой руки четырьмя местами ниже первого воеводы полка правой руки, двумя местами выше второго воеводы полка левой руки и т. д. Точно так же (с теми или иными вариациями) считались головы в полках и объезжие головы в Москве. Воеводы в городах тоже были первыми и вторыми. Различались воеводы «в городе», «в остроге», «на вылазке». Поскольку одни города по обычаю считались главными, а другие — подчиненными им (например, Казань по отношению к другим «низовым» городам почиталась как главный город, такую же роль играли Новгород Великий среди городов «от литовские и от немецкие стороны», Тула — среди «украинных городов»), то и служба в них соответственно рассматривалась более «честной» или менее почетной, и это тоже учитывалось в местнической практике.

После одобрения царем разряда, составленного дьяками, он становился указом и записывался в разрядную книгу. Разряд объявлялся тем лицам, которые назначались на службу. Те же из них, кто был недоволен своим местом в росписи воевод, обращались с челобитьями к государю на тех, «ниже» кого они не хотели служить. Били челом и по другим причинам: просили отставить от службы по болезни, по домашним обстоятельствам и др. Недовольство проистекало и из-за уловок разрядных дьяков, которые по дружбе или свойству угождали «родному человеку» в ущерб другому, или из-за распоряжений фаворитов, влиявших на составление разрядов в удобном им духе, или, наконец, из-за прямого произвола, как было, например, во времена опричнины. В те годы обиженные не имели возможности протестовать. Но после смерти грозного царя «всчинали» челобитья, вспоминая при этом, что несправедливые действия, на которые они теперь жаловались, творились «в опричнине».

С конца XVI в. и в следующем столетии редко какое назначение обходилось без «претыканий» местников. По их челобитьям царь и бояре разбирали дела иногда вскоре после их подачи, но чаще всего после окончания службы, которая объявлялась «без мест». Местнические споры возникали по разным поводам: это «столы», то есть торжественные обеды у царей, их венчания на царство и свадьбы, встречи и приемы послов, стояние в рындах при монаршей особе, посылки в посольства, в походы и на гарнизонную службу, крестные ходы, царские выезды в монастыри, церковные «действия», пожалования чинами, жалованьем и подарками, назначение в приказы, объезжие головы, приставы и в иных случаях. На парадных обедах за особым столом, который стоял на возвышении в переднем углу, сидел царь вместе с братьями и другими членами своего семейства, иноземными властителями или их отпрысками. Параллельно царскому ставился «большой» стол для почетных лиц (старший бояре и др.). Дальше располагался «кривой», изогнутый «глаголем» (буквой «Г») стол для менее почетных гостей. Сидение за столами соответствовало служебному положению приглашенных, и они ревниво следили за порядком. «Местами» считались и столы, наблюдавшие за порядком. Местнические стычки могли произойти и во время «стола» у патриарха, если здесь присутствовали царь с приближенными.

Во время венчаний на царство местнические споры возникали редко. В 1613 г. боярин кн. Д. Т. Трубецкой, сыгравший заметную роль в событиях, связанных с Лжедмитрием II и борьбой с интервенцией, при венчании Михаила Романова держал скипетр. Он бил челом на боярина И. Н. Романова, державшего шапку Мономаха, что считалось более почетным. Царь Михаил Федорович признал правомочность иска Трубецкого, но объяснил назначение И. Н. Романова тем, что тот ему дядя, и

князю пришлось смириться²¹. На свадьбах многие лица исполняли различные обязанности, причем иногда их функции совпадали, что служило поводом для споров. Спорили между собой дружки (первые и вторые) и каравайники (несли каравай), как было на седьмой свадьбе Ивана IV. А на свадьбе В. И. Шуйского бил челом тот, кто нес «другую», то есть вторую свечу, на того, кто нес «большую» свечу. Местничались лица из свиты невесты с лицами из свиты жениха-царя. Спорили не только мужчины, но и женщины.

На приемах иностранных послов, помимо людей думных, сидевших на лавках согласно служебной «чести», местами считались и рынды, которые справа и слева по два человека стояли около трона. Из них выше были те, кто находился справа. В каждой паре выше считался рында, который находился ближе к царю. То же происходило тогда, когда выделялись лица для встречи послов, переговоров с ними («в ответ»), объявления их царю, пребывания в свите послов. Вообще исполнение любых обязанностей, связанное с составлением разрядных росписей лиц, их исполнявших, могло вызвать местнические препирательства. В глазах местников важна была очередность в их перечислении в росписях, а также в грамотах и других документах. Спорили царские возницы и ухабничие, сопровождавшие царей во время их «походов» по подмосковным именьям и монастырям, и мовники (мыли царя в бане). Какая-нибудь придворная, приносившая белье для своей госпожи, царицы или царевны, могла заспорить из-за места с другой женщиной, надзиравшей за тем же бельем, поскольку должность первой из них считалась более низкой в сравнении с должностью второй. Нередко вместо непосредственно «обиженных» тем или иным назначением били челом их родственники. За молодых рынд, как правило, споры затевали их отцы или старшие братья, за женщин — их мужья или сыновья. Порой местник подавал челобитную не на того, с кем он не хотел быть на одной службе, а на его старшего брата, отца или даже деда, то есть на лиц, стоявших на одно или несколько мест выше «обидчика», исходя из семейно-родословного счета. Делалось это намеренно: истец тем самым хотел подчеркнуть, что он не только не может быть ниже ответчика или даже равным тому, но ему впору, «в версту» тягаться «за места» и с его старшими родственниками. Другие, наоборот, поручали подать челобитную своим младшим братьям, сыновьям, племянникам, чтобы унижить противника.

Челобитья подавали устно (самому царю, например, во время объявления росписи воевод) или письменно (царю или старшему по службе — главнокомандующему, то есть первому воеводе большого полка, который писал об этом на имя царя в Москву). Если кто-то в каком-либо сомнительном случае не бил челом, то ему впоследствии это ставили «в случай», то есть использовали «нечелобитье» для того, чтобы «утянуть» его в борьбе за места. С другой стороны, лица, стоявшие явно ниже других на служебно-родовой лестнице, все же били на них челом, рассчитывая получить «невместную грамоту» — документ, который, свидетельствуя о том, что служба истца и ответчика «безместна», как бы уравнивал их обоих. А это была, с местнической точки зрения, «находка», выигрыш, которым впоследствии сам истец и его потомки могли воспользоваться. Иногда такая уловка удавалась, в других случаях зачинщики подобных предприятий платились за свое неправильное челобитье, получив в ответ, что «пригоже» быть «ниже». А порой дело заканчивалось и наказанием. Некоторые, подав челобитную, исполняли свои обязанности, другие отказывались это делать. Источники полны драматических описаний сцен, происходивших при царском дворе в моменты обострения отношений между местниками, чаще всего во время «столов» в Кремле. Обычно недовольный своим местом боярин или кто-нибудь другой не садился за стол и уезжал домой. За ним посылали дьяка или пристава. Обиженный сказывался больным, или его родственники утверждали, что он уехал в свою деревню. Иногда это соответствовало действительности, но чаще всего ослушник скрывался где-нибудь в подклети или сарае. Если его отыскивали, то следовали уговоры и угрозы от монаршего имени. Отказы местника, вырядившегося в черное платье в знак царской опалы, отговоры болезнью или отсутствием лошадей и кареты (а их предусмотрительно прятали) не помогали. Недовольного на-

²¹ Там же, стр. 337.

сильно везли во дворец в простой телеге, высаживали у лестницы, но он по-прежнему продолжал упираться. Тогда его несли на ковре или завернув в него. За стол на свое место упрямец не садился, а лежал на полу. Его принуждали приставы сесть, он вырывался из их рук. Подобные сцены случались довольно часто и нередко сопровождалась ссорами, криком и бранью, дело доходило даже до драк.

В иных случаях царь и Боярская дума сразу признавали обоснованность претензии челобитчика. Тогда его освобождали от «невместной» службы, «разводили» его с тем, «под кем» он не хотел служить. Чаше же в иске отказывали. Большой частью отвечали, что челобитчик должен служить, а «суд» по его заявлению будет после окончания службы. Ему выдавалась «невместная грамота», сам факт получения которой гарантировал его от использования данного случая местническими противниками в будущем. Нередко служба всех назначенных на нее объявлялась безместной. Для разбирательства местнических претензий назначалась специальная комиссия из нескольких человек (бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки). Иногда вся Боярская дума, а нередко и сами цари принимали участие в распутывании хитросплетений местников. Склонен был к таким изысканиям Иван Грозный, находивший особое удовольствие в том, чтобы выяснять отношения местнических недругов. Делалось это очень дотошно и долго. Местники подавали «случаи» — перечни служб их самих, родственников и далеких предков, а также поколенные росписи. Все это судьи изучали, сравнивали, проверяли, запрашивали дополнительные справки у самих спорящих и разрядных дьяков. Суд проходил в присутствии истца и ответчика («с очей на очи»), причем главный судья (как правило, боярин) должен был быть знатнее их обоих.

Во время полковой службы воеводы считались «выше» и «ниже» в строгом порядке. То же имело место и при других назначениях. Например, воевода, который получал распоряжение идти «в сход», то есть на помощь другому воеводе, почитался «ниже» последнего. При гарнизонной службе в городах различалась служба по степени «честности» в разных городских частях — в «большом городе», «земляном городе», остроге. Еще ниже стояли воеводы «на вылазке», осадные и т. д.

Следует сказать и о родословном счете. В пределах одного рода отец был ниже деда, но выше сына, старший брат — выше второго, а дядя — племянника. И здесь издавна велась своя «родословная арифметика». Так, старший сын — ниже своего отца на одно место, но только в том случае, если у отца не было братьев. Если же они были, то эти дяди старшего сына считались «выше» его. Предположим, что у отца было пять братьев. В таком случае его старший сын был ниже его не на одно, а на целых шесть (одно свое и пять дядиных) мест. Еще хуже было положение других детей этого отца. Так, в приведенном случае младший сын, скажем, пятый по счету в семье, будет ниже отца уже десятью местами. При местнических спорах выгоднее было иметь меньше родственников. Правда, в эти расчеты было внесено в XVI в. новшество: старшего сына признали равным («в версту») четвертому родному дяде. Тем самым по отношению к отцу его считали ниже на четыре места. Соответственно этому второй сын становился равным пятому дяде, третий сын — шестому дяде и т. д. Эти родословные расчеты имели значение чисто служебное. В семейном быту все выглядело иначе: дядя всегда считался старше и выше племянника, в то время как в местническом отношении старший сын отца был выше своих пятого, шестого и прочих дядей.

В спорах между чужеродцами принимались во внимание служебные прецеденты, которые случались с их предками, родственниками. Если предок Плещеевых по какому-либо случаю был «выше» предка Морозовых, то так должно быть, согласно понятиям местничества, и с их потомками. Некоторые княжеские и боярские фамилии стояли столь высоко в местническом отношении, что их считали «господами» по отношению к другим. Отсюда идет обилие таких выражений в местнических делах: «А Шереметевым на Щенятевых можно ли глядеть?», «Ростовские бывали больше Оболенских», «а наперед сего Гагарины на Бутурлиных о местах не бивали челом», «лучшему Колтовскому с последним роду нашего Пушкиным можно быть в меньших товарищах и головах». Случалось, что в пределах одной фамилии младшие по родству могли путем отличий по службе или местнической ловкости сравниться со старшими или даже стать выше их. Так, в местническом деле 1609 г. боярина кн. Б. М. Лыкова с кн. Д. М. Пожарским, будущим героем 1612 г., приводит-

ся любопытное известие о двух князьях, которые принадлежали к двум ветвям рода князей Ростовских. Один из них, кн. М. Ф. Гвоздев-Ростовский, был «больши по лестнице», то есть по родословному счету, другого, кн. М. Г. Темкина-Ростовского, «шестью месты, а по розрядом Темкины князи везде бывали больши Гвоздевых князей». Приводится случай 1600 г., когда меньший по родовому счету Темкин в разрядной росписи написан перед Гвоздевым; хотя последний ему «велик по родству...», что отец, а по разряду князь Михайло Гвоздев меньше стал князя Михаила Темкина, что сын; а лестницею меж себя в отечестве не считаются, а считаются розряды в отечестве, кому с кем сошлось»²². То же произошло в роде Бугурлиных: его младшая в родословном отношении линия стала по разрядам выше старшей²³. Такова же судьба Пожарских — старшей, но захудавшей ветви князей Стародубских, младшие ветви которой (Ромодановские, Ряполовские, Татевы, Палецкие, Хилковы) занимали гораздо более высокое положение.

Нередко представители младших, возвысившихся ветвей старались «отбиться» от старших, но «закосневших». Так бывало в родах тех же Пушкиных и Кутузовых, Квашниных и Самариных и многих других. Корсаковы, чтобы отделить себя от обедневших родственников, в конце XVII в. подали челобитную с просьбой о прибавке к их фамилии слова «Римские» (в своем генеалогическом «обосновании» они доказывали, что их род идет от римских императоров и еще далее — от Елены Прекрасной и Геракла!). Просьбу удовлетворили, и появилась фамилия Римских-Корсаковых, которая в XIX в. дала России великого композитора. Местники «утягивали» друг друга всем, чем только могли. Вспоминали или выписывали из источников случаи таких служб, которые могли бы показать более низкое положение противника. Упоминали о низких, неразрядных назначениях (отсутствие записей о них в разрядах) в городничих, губных, старостах, ямских стройщиках, о преступлениях, плохом поведении родственников (например, после бегства кн. А. М. Курбского в Литву его родственников понизили на 12 мест!), о службе предков не в Москве, а в уделе.

Приговор по местническому делу вытекал из рассмотрения всех обстоятельств. Он имел мотивировку, с которой знакомилась обе стороны. Приговор обсуждался боярами и царем и утверждался последним, после чего его записывали в разрядные книги, которые пестрят подобными сообщениями. Лицо, выигравшее дело, получало правую грамоту. Она называлась невместной, если обе стороны приравнялись друг к другу. За необоснованное челобитье виновного сажали в тюрьму, били батогами, брали штраф в пользу того, кто просил «дать оборонь» от истца. Царь Алексей Михайлович, в правление которого особенно разгорелись местнические ссоры, практиковал выговоры, нередко весьма обидные. Одному из князей Ромодановских царь пенял, что он, будучи девятым сыном в семье, местничается напрасно и не идет на помощь («в сход») к другому воеводе; что ему от царя посланы грамоты, каких и «к господам его не бывало». Однажды такой же оскорбительный для гордого, но более знатного местника намек бросил царь боярину кн. И. А. Хованскому. Этому чванливому человеку тяжело было слушать, что есть гораздо более знатные, чем он, люди. Его же Алексей Михайлович без обиняков как-то назвал «дураком», а в другой раз из-за местничества выгнал из царской передней²⁴.

Власти применяли и такие наказания, как ссылка, запрещение съезжать со двора или приезжать во дворец. В том случае, если истец бил челом явно «не в версту» на человека, стоявшего намного выше его, то его выдавали головою: отдавали как бы в полное распоряжение того, кого он оскорбил уже одной подачей местнической жалобы. Тем самым истец признавался намного «ниже» того, на кого пытался бить челом. Самая процедура выдачи головой достаточно красноречива. Провинившегося пристав вел к дому обиженного и ставил его на нижней ступеньке крыльца, на которое выходил заранее предупрежденный хозяин. Объявлялся царский указ. В принципе обидчик должен был повиниться в проступке, даже упасть на колени (повинную голову меч не сечет!) и не вставать, пока не получит прощения. На практике же подобный обряд часто сопровождался взаимными упреками, особенно

²² РИС. Т. II, стр. 361—362.

²³ «Древняя российская вивлиофика». Ч. XIII. М. 1790, стр. 129—132.

²⁴ А. И. Маркевич. Указ. соч., стр. 472.

со стороны проигравшего дело. Ведь самолюбие обиженного и так удовлетворено, а виновного — сильно унижено. Подобное унижение пришлось пережить среди прочих местников не кому иному, как боярину кн. Д. М. Пожарскому. Правительство Михаила Романова, для воцарения которого он сделал так много, выдало его головой боярину Б. М. Салтыкову²⁵. Сейчас странно читать подобное о национальном герое. Но местничество имело свои законы, и преступать их никто, в том числе и молодой царь, отнюдь не собирался. То было начало XVII в., когда система отношений, имевшая более чем двухсотлетнюю традицию, еще не изжила себя, а, наоборот, в течение многих десятилетий оставалась повседневной реальностью.

До конца XV в. местнических споров, насколько известно по источникам, было немного. С начала следующего столетия их количество постепенно возрастает. Центральная власть старалась поставить предел местническим претензиям бояр и княжат. Во время войны с Литвой из-за «переловских городов» незадолго перед Ведровской битвой 1500 г., выигранной русским войском во главе с кн. Д. В. Шеней, на него бил челом воевода сторожевого полка боярин Юрий Захаревич. Он писал Ивану III, что ему «немочно» быть в этом полку: «То мне стеречи князя Данила» — главнокомандующего Д. В. Шеню, первого воеводу большого полка. Но великий князь «приказал» ему через кн. Б. Ушатого: «Гораздо ли так чинишь, говоришь: в сторожевом полку быти тебе непригоже, стеречь княж Данилова полку? Ино тебе стеречь не князя Данила, стеречи тебе меня и моего дела. А каковы воеводы в большом полку, таковы чинят и в сторожевом полку; ино не сором тебе быть в сторожевом полку»²⁶. В этом выговоре великого князя воеводе обращают на себя внимание не только тон монарха, стоявшего на защите государственных интересов, которые персонифицируются им в собственной личности, но и не до конца развитая система местнического счета: первые воеводы большого и сторожевого полков, как видно из слов Ивана III, или были равны, или, во всяком случае, не отстояли так далеко друг от друга, как это имело место впоследствии. Наряду с разрядом воевод по полкам имел значение и порядок, в котором перечислялись воеводы в «речи» или грамоте великого князя и который мог, очевидно, не совпадать с официальной разрядной росписью.

То же касается и лиц более низкого положения, например, детей боярских. В 1495 г. Иван III выдал свою дочь Елену замуж за великого князя Литовского Александра. Ее сопровождали дети боярские, приписанные к ее штату, а также дети боярские, посланные с боярами, которые составляли свиту великой княжны. Назак запрещал тем и другим детям боярским местничаться между собой. Во избежание этого им велели сидеть «без мест» поочередно то на лавке (это было более почетно), то на скамье. В грамоте же 1503 г. послан в Литву П. М. Плещееву «с товарищи» уже устанавливаются места для двух детей боярских (очевидно, старших) при послах. Один должен был сидеть на лавке около дьяка, другой — на скамье напротив. Остальным детям боярским, как и в случае 1495 г., велено местами «мешаться», чтобы предотвратить их стычки в будущем²⁷. Великие князья строго соблюдали нормы местничества. Характерен в этом плане случай, происшедший в правление Василия III. Однажды за его столом И. Челяднин пытался сесть ниже своего тестя кн. И. Палецкого, но хозяин, отнюдь не выступавший с позиций нарушения старинных традиций семейного быта, строго указал Челяднину, что оказывать честь своему тестю он может лишь дома, а здесь должен сидеть так, как велит местнический распорядок²⁸.

Уже в первой трети XVI в. некоторые службы объявлялись безместными, чтобы предотвратить вред, который могли бы нанести делу споры воевод. А такое бывало. Так, поход на Казань в 1530 г. не имел успеха не в последнюю очередь из-за

²⁵ «Дворцовые разряды (1612—1628 гг.)». Т. I. СПб. 1850, стб. 120—123; А. И. Маркевич. Указ. соч., стр. 501—502.

²⁶ «Разрядная книга 1475—1598 гг.», стр. 30.

²⁷ «Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею» (АЗР). Т. I. СПб. 1846, № 192; «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1847, № 3; А. И. Маркевич. Указ. соч., стр. 248—249.

²⁸ А. И. Маркевич. Указ. соч., стр. 251.

местнических стычек между командующими «судовой ратью» кн. П. Ф. Бельским и «пешей ратью» кн. М. Л. Глинским. Первого из них после возвращения в Москву посадили в тюрьму. Ему грозила смертная казнь, которой он избежал благодаря заступничеству митрополита Даниила. Правительство стремилось ограничить местнические раздоры. Уже в начале XVI в., как показывает разряд конца 1506 г. или 1507 г., устанавливается равенство воевод передового и сторожевого полков²⁹. Вероятно, в правление Василия III появилось «уложение», согласно которому лицо, «отъехавшее» в удел, значительно понижало себя в местническом отношении. Так поступили два брата князя Лыковы, которые покинули Москву и перебрались к князю А. И. Старицкому³⁰.

Продолжались местнические споры при регентстве Елены Глинской и во время боярского правления 30—40-х годов XVI века. Они усугублялись боярскими раздорами, борьбой за власть, произволом временщиков, фаворитов. В грамоте Ивана Грозного от 1574 г. по поводу одного местнического спора есть упоминание о разрядной росписи времени правления его матери. В этой росписи кн. Михаил Курбский (отец беглеца А. М. Курбского) значился третьим воеводой полка левой руки. Упомянув об этом, составитель грамоты (сам царь) возмущался: «И то смутил Овчина, написал в том разряде; в правой руке [в] третьих князь Семен Гундоров; князю Семену Гундорову мощно ли быть больши князя Михаила Курбского?»³¹. Таким образом, фаворит Елены Глинской боярин князь И. Ф. Овчина Телепнев-Оболенский распорядился распределить воевод по полкам в таком порядке, который впоследствии вызвал гнев Ивана Грозного. Правительство стремилось ограничить разгул местничества. Так, в январе 1544 г. назначили полковых воевод во Владимир, Суздаль и Шую, но некоторые из них «не похотели быти по сей росписи мест для», и началась местническая кутерьма. По распоряжению великого князя им отписали, чтобы они были по росписи, и, кроме того, разъяснили: «А сторожевому полку до правые руки и до левые дела нет, то полки опричние»³². Тем самым служба в этих полках квалифицировалась как «невместная», равная. Это указание развивает дальше принцип, сформулированный в разряде 1506/07 годов. Тем не менее споры воевод наносили немалый ущерб государственным интересам. Так, во время казанских походов конца 1540-х — начала 1550-х годов подобное поведение воевод сыграло немалую роль в том, что разрешение казанской проблемы затянулось.

В июле 1550 г. правительство приняло указ о распределении воевод в полках, их местнических отношениях. Указ устанавливал старшинство полков в той очередности, какое реально существовало и впоследствии являлось той основой, на которой и строились местнические расчеты представителей верхушки феодалов. На первом месте стоял большой полк, далее шли полк правой руки, передовой, сторожевой, полк левой руки. Важным моментом было указание на то, что «боярские дети и дворяне большие» должны были служить в полках «без мест», даже если они будут занимать в них места «не по отечеству» по сравнению с воеводами. В этом случае для них «с теми воеводами в счете в своем отечестве поруки нет», то есть эта «низкая» служба (не записанная в разряды) не принималась во внимание в возможных местнических столкновениях. Если эти «дворяне большие» впоследствии станут нести разрядную службу и их назначат воеводами вместе с теми воеводами, «под которыми» они ранее служили, то в этом случае они должны быть «по своему отечеству» и могут бить челом «о счете»³³. Вероятно, появление этого пункта указа вызвано тем, что молодые князья (княжата), «большие дворяне» и дети боярские действительно местничались со своими воеводами. Если это так, то его появление в официальном акте свидетельствует о расширении сферы местничества. В начале XVI в. такого не было: в разряде 1506/07 г. записано, что к воеводе кн. М. И. Булгакову был послан кн. Ю. Пронский, «а того не написано, воеводоу ли или в детех боярских»³⁴. Это было важно для местнических целей: сын боярский в отличие от

²⁹ Там же, стр. 252.

³⁰ РИС. Т. II, стр. 286—287.

³¹ «Синбирский сборник». М. 1844, стр. 43.

³² «Разрядная книга 1475—1598 гг.», стр. 106—107.

³³ Там же, стр. 125—126.

³⁴ Там же, стр. 37.

воеводы не имел, очевидно, права местничаться. Указ 1550 г., таким образом, упорядочивал местнические отношения воевод, в определенной степени ограничивая их. В то же время ему свойственно противоречие: уравнивая воевод ряда полков, он в то же время закреплял их местническую иерархию, которая приобрела окончательный характер.

Несмотря на предписания, предусмотренные указом 1550 г., количество местнических споров во второй половине XVI в. сильно возросло. Это вызывало, помимо всего прочего, промедление в делах, особенно нетерпимое во время военных действий. Об этом заявил молодой царь на заседании Стоглавого собора 1551 года. Вспоминая неудачный поход на Казань в 1549 г., он сказал: «Как приехали к Казани, и с кем кого ни пошлют на которое дело, ино всякий разместничается на всякой посылке и на всяком деле. И в том у нас везде бывает дело некрепко. И отселе куды кого с кем посылаю без мест по тому приговору (имеется в виду приговор 1549 г. о безместной службе во время похода на Казань.— В. Б.), никого без кручины и без вражды промеж себя некоторое дело не минет. И в тех местах всякому делу помешка бывает»³⁵. К тому же нормы постановления 1550 г. отнюдь не всегда и не во всем соблюдались. Правительство, несмотря на наличие этого закона, вынуждено было считаться с обычаем, согласно которому каждый занимал свое место в том порядке, который практически сложился к середине XVI века. Хотя указ 1550 г. устанавливал равенство второго воеводы большого полка и первого воеводы полка правой руки, а тем самым с первыми же воеводами передового и сторожевого, в действительности все первые воеводы по-прежнему считались выше всех вторых воевод.

В местнических порядках оставалось много неясного, неопределенного. Помимо обычая, многое зависело от воли правящих лиц. Во всяком случае, принятие закона 1550 г. не привело к уменьшению споров. Ко второй половине XVI в. относится несколько указов, направленных на то, чтобы сдержать начавшееся распространение местнических споров на новые слои феодалов. Один из них вводил принцип безместности службы голов, другой — подрынд (помощников рынд), третий определял, что городничие и губные старосты стоят ниже последнего разрядного воеводы³⁶. Местнические споры той поры принимают широкие размеры, наносят ощутимый ущерб государственным интересам. Даже во время экстраординарного похода в Новгород и Исков в 1570 г. немало времени уделялось местникам, подававшим челобитные на всем протяжении этой карательной экспедиции. В 1578 г. большую, если не главную, роль в поражении русских войск под Венденом (Кесью) в Ливонии сыграли местнические споры между воеводами. В связи с этим в разрядах какой-то приказной дьяк или подьячий весьма метко написал: «И воеводы опять замшились (поросли мхом, замедлили из-за своих местнических ссор.— В. Б.), а х Кеси не пошли». Дело дошло до того, что Иван IV «прислал к ним (воеводам-боярам, околыничим и т. д.— В. Б.), кручинясь», гораздо более низких по чину и старшинству людей — думного дьяка А. Я. Щелкалова и дворянина Д. Б. Салтыкова, «а велел им итить х Кеси и промышлять своим делом мимо воевод, а воеводам с ними»³⁷.

Немало хлопот местнические споры доставляли властям и впоследствии: при Федоре Ивановиче и Борисе Годунове, при Лжедмитрии I и Василии Шуйском. Нередко росписи воевод составлялись и переделывались по несколько раз из-за несогласий. Правительства же действовали по-прежнему: объявляли некоторые службы безместными, временно откладывали «суд и счет», вводили ограничения, касавшиеся принципов, сформулированных ранее. Так, в начале правления Годунова (до 1600 г.) был издан указ о том, что письменные головы служат без мест (письменные потому, что имена голов записывались в разрядные книги). А в декабре 1604 г. царь «указал... в Розряде записать, что левые руки первому воеводе до большова полку другою воеводы дела и счету нет»³⁸.

³⁵ А. И. Маркевич. Указ. соч., стр. 273.

³⁶ Там же, стр. 286.

³⁷ «Синбирский сборник», стр. 67.

³⁸ С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М. 1907, стр. 245.

Новые явления, свойственные русской истории XVII в., нашли отражение и в местничестве. Это прежде всего относится к изменению состава господствующего класса. Боярство, титулованная знать были сильно ослаблены экономически и политически. По словам Г. Котошикина, «прежние большие роды князей и бояр многие без остатку миновались»³⁹. В правящую среду влилось немало число представителей менее знатных, а то и совсем неродовитых фамилий. В течение столетия происходит заметная консолидация класса феодалов. В споры из-за мест втягиваются все новые слои служилых людей, вплоть до провинциального дворянства и дьяков. Даже гости — представители посадской верхушки — начинают претендовать на местническую «честь».

Местнические нормы в XVII в. еще долгое время сохраняли свою силу, а местнические споры составляли характернейшую черту внутривнутриполитической жизни России того времени, взаимоотношений представителей господствующего класса. Это было особенностью не только России, но и других стран. Во Франции XVII в. многие его представители местничались долго и ожесточенно. Например, семьи Ларошфуко и Сен-Симон спорили из-за мест 77 лет!⁴⁰ «Порода» по-прежнему в значительной степени определяла местническую «честь» человека наряду с его заслугами. Даже в чрезвычайных обстоятельствах 1612 г., когда малопородному кн. Д. М. Пожарскому в силу его положения и личных заслуг подчинялись более знатные лица, в подписях под официальными документами ему приходилось расписываться отнюдь не первым, а после многих других, более чиновных людей. Хотя Кузьму Минина в силу особых заслуг перед Родиной пожаловали в думные дворяне, все же помнили о его происхождении. На это указывали даже иноземцы, например, послы польского короля Сигизмунда, заявившие в 1615 г. одному из князей Воротыньских: «None у вас... Кузьма Минин, резник з Нижнего Новгорода, казначеем и большим правителем естъ, всеми вами владает, и иные таковые ж многие по приказех у дел седят»⁴¹.

Местничество в XVII в. перестает быть привилегией аристократии, как было веком раньше. Разрядные книги того времени переполнены списками «разрядных» лиц и описаниями их споров из-за мест. Сотни записей подобного рода говорят о стычках лиц не только знатных, но и совсем малых чинов⁴². Ход рассмотрения местнических дел и решения по ним были обычными. По-прежнему службы объявлялись безместными. 28 июля 1618 г. в ожидании прихода под Москву польского королевича Владислава, не оставившего надежды занять русский престол, правительство объявило такое безместие на два года во всех делах⁴³. То же было во время русско-польской войны 1632—1634 годов. Подобная мера принималась ежегодно с 1638 г. по 1645 г. в предвидении нашествия крымских татар⁴⁴. Правительство сделало только одно исключение: строжайшее указание быть «без мест» получили все воеводы, кроме главнокомандующего кн. И. Б. Черкасского, с которым «с одним» они и должны были «быть». Таким образом, в чрезвычайных военных обстоятельствах высшая военная власть максимально концентрировалась в одних руках.

Все эти мероприятия вместе с осознанием в правительственных кругах и во всем обществе вреда местничества как раз и подготовили его отмену. Вред местничества сознавался почти всеми — от царя, патриарха и многих бояр до мелких дворян. Против него высказывались такие образованные и влиятельные люди, как Симеон Полоцкий и многие другие. К концу XVII в. оно стало объектом насмешек, о чем свидетельствуют сохранившиеся до наших дней рукописные списки вымышленных разрядов или описаний посольств. Центральная власть проводила двойственную политику по этому вопросу. С одной стороны, она использовала местничество для

³⁹ Г. Котошикин. О России в царствование царя Алексея Михайловича. СПб. 1906, стр. 23.

⁴⁰ А. Н. Савин. Местничество при дворе Людовика XIV. «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому». М. 1909, стр. 254.

⁴¹ АЗР. Т. 4. СПб. 1851, № 210, стр. 495.

⁴² См., например, «Дворцовые разряды». Т. I, стб. 123, 147, 183, 185; т. II. СПб. 1851, стб. 16, 286, 330, 880.

⁴³ «Книги разрядные...». Т. I. СПб. 1853, стб. 559.

⁴⁴ «Дворцовые разряды». Т. I стб. 569, 606, 626, 656 и др.

внедрения централизации, внутреннего распорядка в государственной жизни, для лучшей организации службы феодалов, интересы которых она соблюдала; с другой — вела с ним борьбу, с течением времени все более активную. Наконец, под напором действительности, обветшав и превратившись в помеху на пути к дальнейшему развитию страны, местничество было отменено официально. Правда, и после 1682 г. отдельные, наиболее фанатичные приверженцы местнической старины, например боярина Г. А. Бозловского и других, столь же строптивых, пытались местничаться. Но то были уже последние отзвуки собственно местничества, хотя стычки по поводу чиновного старшинства случались и в XVIII в., а такой обычай, как выдача головой за оскорбление чести, дожил до второй половины этого столетия.

Сильнейший удар местничеству нанес Петр I с его князем-кесарем Ф. Ю. Ромодановским, который, будучи всего лишь стольником, начальствовал в отсутствие царя над всеми (например, во время «Великого посольства» в 1698—1699 гг.). Сыграли тут роль также «Всешутейший и всепьянейший собор», упразднение думных чинов, самой Боярской думы и издание Табели о рангах, провозгласившей главенствующее значение принципа выслуги и личных заслуг, а не знатности при служебных назначениях, будь то военное или гражданское поприще. Отмена местничества явилась одним из тех важных начинаний, которыми изобилвала русская история второй половины XVII века.